

Развитие теории социальной сети

О.Е. Брун

В статье рассматривается современная социальная сеть и характер действий в ней людей, анализируются социологические подходы, которые применялись и разрабатываются в настоящее время для изучения социальных сетей. В этой связи исследуются взгляды Ричарда М. Эмерсона, Джеймса С. Коулмэна и Мануэля Кастельса.

Классические социологические теории изучают взаимодействия людей в контексте конкретного и достаточно однородного социума (семьи, социальной группы, класса), исходя также из того, что он при этом остается относительно стабильным. Однако в жизни современного общества, подверженного усложняющейся социокультурной динамике, такой «чистый» социум бывает только в представлениях ученых. Социальные реалии становятся все более сложными в структурно-функциональном плане и динамичными. Акторы социального взаимодействия, как правило, также являются разнородными: ими могут быть не только отдельные индивиды, но и формальные организации. Такие взаимодействия обычно приобретают форму довольно разветвленной социальной сети. Действия людей в социальной сети качественно отличаются от их общения в однородной социальной группе, так как происходят одновременно как на микро, так и на макро уровнях. Они предполагают возможность использования ряда альтернатив, поэтому их последствия неоднозначны. Акторы вынуждены постоянно рефлексировать относительно исходов взаимодействий с учетом сделанного ими выбора альтернатив.

Теории социальной сети первого поколения. Первые социологические подходы к изучению социальной сети были выработаны американским социологом Ричардом М. Эмерсоном (1925 – 1982). При создании своей теории социальной сети ученый исходил из того, что:

- во-первых, в сетевых отношениях устанавливаются специфические властные отно-

шения, отличные от тех, которые существуют в обществе в целом. Здесь действуют собственно правила сети, и если индивид зависим от других акторов, то это в процессе социального взаимодействия приводит к утверждению над ним власти сети; — во-вторых, неопределенность – отложенность результатов взаимодействия порой на длительный срок, – порождает специфическую мотивацию, предполагающую необходимость учитывать риски того, что работа, услуги, осуществленные одним актором, могут, пройдя через значительное количество ячеек сети, оказаться без ответного вознаграждения вообще. В большой сети определить виновника дисфункциональности порой бывает затруднительно. Взятые вместе, эти специфические моменты отношений приводят к тому, что возникает динамичное неравенство акторов в социальных сетях, что в дальнейшем ведет к конфликтам и постоянным рефлексиям относительно результатов взаимодействия¹. Казалось бы, современное общество, широко использующее сетевые взаимодействия, идет к хаотизации, подрывающей незыблемые основы своего существования – социальную стабильность, предсказуемость, столь характерные для традиционного и отчасти даже индустриального общества. Но, как показал Эмерсон, проведя соответствующие эмпирические исследования и используя для них сложный математический аппарат, этим утверждающимся хаосом можно управлять. Для этого необходимо учитывать факторы синергии, сложной причинности

процессов, происходящих в сетях, и, конечно, компонент доверия, являющийся имманентной сущностью образования и функционирования социальной сети. Ученым, в частности, было обосновано следующее:

- особенности властно-зависимых отношений в сети детерминируют динамику характера поведения акторов;
- чем более один актор зависит от другого в плане получения тех или иных вознаграждений, тем большая вероятность, что властный актор будет использовать свои ресурсы давления на других акторов в целях получения односторонних преимуществ;
- вместе с тем, если дискредитируемые акторы ослаблены из-за соперничества в конкретной социальной сети, они будут стремиться к изменению сложившегося неравенства и обретению определенной независимости. К ней ведут два основных пути – специализация и образование коалиции. Если акторы выбирают специализацию, то будут стремиться к развитию более эффективного разделения труда, и уже от результатов их деятельности будут зависеть другие акторы. А если они пойдут по пути создания коалиции, то это приведет, в конечном счете, к возникновению коллективного актора, действующего как единое целое в социальной сети, обладающего весьма большими властными полномочиями.

Эмерсоном было также эмпирически выявлено, что примерно равные акторы, но имеющие большее количество альтернатив для достижения своих целей, будут менее зависимы от своих партнеров и обладать большей властью, ибо сами альтернативы увеличивают доступ к ценностным ресурсам. В ответ временно зависимые акторы могут применять уже упоминавшиеся стратегии специализации и образования коалиций, что на практике приводит к созданию союзов, совместных предприятий, использованию разных типов интеграции ресурсов и работ, заключению долговременных контрактов, специализации и т.д.

Американский социолог также исследовал динамику рисков и доверия в социальных сетях. При этом им было установлено:

- если практики взаимодействия в виде работ и услуг не подкреплены соглашениями, совместными письменно зафиксированными решениями, что предполагает переговорный обмен, то это неизбежно увеличивает риск невыполнения обязательств;
- если предпринимаются меры по усилению зависимости акторов (дисбаланс в торговле, политическая дискриминация), то, соответственно, увеличивается риск попыток использования ими нелегитимных средств;
- если, напротив, растёт доверие между акторами, то уменьшаются риски невыполнения партнерских обязательств.

Известный современный американский со-

циолог Дж. Ритцер отмечает, что исследования Эмерсона дали толчок новому перспективному направлению изучения динамичных характеристик современных обществ. По существу, в настоящее время сетевая теория представляет собой группу концепций, основанных на ряде общих методологических постулатов, которые рассматривают социальные взаимодействия как на макро-, так и на микроуровне, исходя из того, что их участники обладают различным доступом к значимым ресурсам (финансам, натуральным продуктам, власти, информации и т.д.) и вследствие этого одни из них зависят от других².

При этом, согласно принципам современной сетевой теории, связи между индивидами следует анализировать с учетом структуры более крупных сетей³. И действительно, подходы Эмерсона к исследованию социальной сети были успешно применены при изучении таких сфер, как маркетинг, брачно-семейные отношения, функционирование организаций через изменения и т.д. Кроме того, по совокупности всех критериев можно вывести динамичный баланс доверия конкретных акторов. Социологи определяют рейтинги доверия не только отдельно взятых деятелей (политиков), но и социальных институтов.

Американский социолог Джеймс С. Коулмен (1926-1995) качественно углубил исследования социальных сетей, разработав теорию рационального выбора в условиях распространяющегося асимметричного взаимодействия физических и юридических лиц. Сущностная черта методологии его теории предполагает наличие потенциального конфликта между рациональностью отдельно взятого актора (физическое лицо) и рациональностью коллективных акторов (юридических лиц). Данный конфликт конкретно проявляется в постоянно воспроизводящихся социальных дилеммах, которые могут быть разрешены с учетом трех факторов: конкуренции, доверия и координации действий. При этом все акторы оценивают количественно-качественный состав участников сети, наличие определенных альтернатив у каждого актора, риски и вероятные последствия использования альтернативных выборов, поведение и ожидания друг друга⁴.

Примером разрешения подобного рода дилемм может быть участие самых различных акторов в коммерческих проектах строительства дорог в Москве и Подмосковье с учетом активизации деятельности московской мэрии, экологических, муниципальных и самоорганизованных движений, представителей политических партий, масс-медиа и, конечно, собственно подрядных организаций. Соответственно, в зависимости от того, как в условиях конкуренции идей и возможных приобретений и потерь, упущенных выгод, стороны доверяют друг другу, координируют действия, учитывая интересы самых разных акторов, могут быть разные последствия. При этом, исходя из теории Коулмена,

особенно важно то, что индивидуальные рациональные действия могут вести к коллективным иррациональным последствиям. Методология парадигмы рационального выбора ориентирует на учет непреднамеренных последствий сетевых взаимодействий. В нашем примере – возможный экологический ущерб природе, отложенные опасности, которые могут проявиться в будущем и т.д.

Особо отметим, что ныне важным актором практически всех сетевых взаимодействий становятся масс-медиа. Они в естественную конкуренцию акторов привносят невиданную ранее символическую борьбу, а также при определенных условиях могут способствовать утверждению доверия к деятельности коллективных акторов. Известный российский социолог В.В. Радаев отмечает: «Застолбить рыночную нишу можно не только путем снижения издержек, повышения качества или введения на рынок нового продукта или услуги, но также и посредством идентификации фирмы и продукта. Этому способствуют раскрученные торговые марки и брэнды, которые увязываются не столько с полезными потребительскими свойствами предметов, сколько с символическими образами определенных стилей потребления»⁵.

В современном обществе товары и услуги, как правило, рекламируются через образы, связанные с доверием, безопасностью и надежностью. Когда социальным актором выступает физическое лицо как рядовой потребитель товаров и услуг, он, как правило, не может получить валидную информацию об интересующих его предложениях. В этом ему помогают юридические лица, занимающиеся рекламой. Тем самым, акторы масс-медиа вносят свой определенный вклад в систему доверия как фактора стабильности, формирования упорядоченного хаоса. Как считает лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, данное состояние социума, вполне пригодное для жизнедеятельности и функционирования различных акторов, может возникнуть в условиях «увеличения динамической сложности», что влечет за собой «случайность»⁶. Компонент случайности присутствует во всех социальных сетях, но к нему, в принципе, можно адаптироваться.

В 1970–1980-е гг. возник целый ряд концепций, в которых так или иначе используются принципы и методология сетевого подхода: концепции «политико-управленческих сетей» Д. Ноука, «сообществ» Дж. Ричардсона, «поток» (streams) Дж. Кингдона, «подсистем» П. Сабатьер и др. Вместе с тем, первые теории социальных сетей постепенно «устаревают». Они не учитывают такие новейшие реалии как разворачивающиеся процессы глобализации, увеличение открытости уже достаточно открытого социума, появление принципиально новых средств информации и коммуникации. Кроме того, сетевые взаимодействия все более выходят за пределы конкретных государств и культур, становятся все более

динамичными и главное – осуществляются вне определенных пространственных и временных границ. В этом контексте социум обретает качественно иную рефлексивность, благодаря увеличению и усложнению которой знания людей также обретают характер динамического фактора, способствующий постоянной трансформации как социальных институтов, так и моделей поведения индивидов. Возникает невиданная ранее «рефлексивная реальность», подвижного и пластичного типа, способная к самотворению и самоорганизации. Некоторые СМИ принципиально отказались от разграничения «отечественной» и «зарубежной» аудиторий, делая ставку на глобальность теле- и радиовещания⁷. Эти новые реалии пытается учесть социология постмодерна.

Постмодернистская теория социальной сети М. Кастельса. Обретение социумом принципиально новых качеств, естественно, сказывается на характере утверждающегося постмодернистского социологического теоретизирования. Постмодернизм как теоретическое течение в современном социологическом знании способен произвести настоящий эпистемологический поворот, спровоцировать «проблематизацию онтологических оснований научного исследования»⁸. Мы рассматриваем постмодернизм как весьма важную теоретическую и методологическую основу новейшей социологии. К постмодернистам мы относим тех, кто сам себя к ним причисляет, а также тех, чьим предметом рассмотрения выступают нарождающиеся реалии постсовременности.

Известный английский социолог Э. Гидденс называет следующие черты постмодерна:

- 1) изменения бытия происходят в контексте разрывов в познании;
- 2) социальные трансформации обретают центробежный и беспорядочный характер;
- 3) личность индивида подвергается разрывам, расчлененности в результате того, что жизненный опыт носит фрагментарный характер;
- 4) истина обретает контекстуальный характер;
- 5) ощущается теоретическая беспомощность перед лицом глобализирующихся тенденций;

6) возникает «опустошение» повседневной жизни как результат вторжения в нее абстрактных систем;

7) координация политических усилий лишена благоприятных возможностей из-за возрастания роли локального фактора и дисперсии⁹.

На эти и другие вызовы ускоряющихся и усложняющихся социальных изменений пытается дать ответы испанский социолог Мануэль Кастельс (1942), работающий в рамках постмодернистского теоретико-методологического инструментария. Его теории информационного сетевого общества была особо представлена на XVII Всемирном социологическом конгрессе

(Швеция, 2010 г.), где ученый выступил с докладом на тему «Сети в сетевом обществе». К Конгрессу было также приурочено второе издание его книги «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», к которой было специально написано новое предисловие. Принципиальной новацией со времени выхода первого издания труда, по мнению Кастельса, стало утверждение «новых форм массовой самокоммуникации», которые, по существу, знаменуют собой утверждение «новой формы социетальной коммуникации»¹⁰.

«Новые технологии, - пишет он далее, - также продвигают развитие социальных пространств виртуальной реальности, которые сочетают социальность и экспериментирование с ролевыми играми»¹¹. При этом ученый подчеркивает, что формы социетальной коммуникации существуют не сами по себе, а представляют собой информационные сети. Последние радикально влияют на политику, бизнес, повседневную жизнь, вплоть до переструктурирования.

К такому пониманию сети ученый шел более 10 лет. В начале своей карьеры Кастельс занимался социологией урбанизации, создав концепцию информационного города. По его мнению, это мега-город, олицетворяющий собой процесс организации глобальной экономики с учетом трех основных факторов: утверждения сетевого общества, информационного капитализма и новой Интернет-культуры¹². Данная проблематика нашла целую плеяду последователей. Среди них особо отметим С. Сассен. Она создала концепцию глобального современного мега-города, выполняющего принципиально новые функции по организации мировой интегральной экономики. Этот город также способствует, по мнению автора, формированию у жителей принципиально новых, постнациональных гражданских притязаний¹³.

В первом издании книги «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» М. Кастельс показал, что сетевая форма социальной организации становится доминирующей, образуя новую общественную морфологию, постепенно подводя читателя к выводу, что «власть собственно сетевой структуры оказывается сильнее структуры власти»¹⁴.

В новом издании труда идеи сети обретают инновационное развитие в контексте процессов, которые интерпретируются как «информационизм». Современная сеть – это динамическая система, смысл существования которой коммуникация. В ходе коммуникации по сети передается информация, которая становится самостоятельной реальностью, предшествующей смысловой нагрузке. Информация – это знание, лишенное смысла. Смысл относится к области декодирования и трансляции концептуальных матриц. Сеть и коммуникация живут динамикой передачи информации и ориентированы только на увеличение ее скорости и устранение помех. Ситуация, при которой сеть становится всеоб-

щей и всеохватывающей, определяется Кастельсом как «информационизм».

Называя современную эпоху «информационизмом», ученый попытался уйти от таких его негативных определений, как «постиндустриализм», «постмодернизм», «постфордизм» и так далее. Различие между индустриализмом (его расцвет приходится на период после Второй мировой войны) и информационизмом состоит, прежде всего, в создании принципиально новых информационных технологий, которые стали использоваться для саморазвития и самоорганизации. Информация оказалась одновременно и инструментом, и производимым продуктом/услугой. Примером подобного замыкания информационных технологий Кастельс считает Интернет, ставший из чисто инструментального изобретения одновременно и средой производства, и результатом производства – совокупностью продуктов и сервисов.

Новейшие информационные технологии никогда не оказали бы такого значительного воздействия, если бы они не были встроены в гетерогенные процессы трансформации капитализма, рельефными зонами которых можно считать, к примеру: а) Силиконовую долину; б) восточно-азиатские торговые и промышленные сети; в) семейные и франчайзинговые сети северной Италии, и т.д.. Иными словами, сеть в сочетании с информационизмом обретает многогранный смысл - это и информационная сеть, и экономико-организационная сеть, и сеть новых работ, и сеть культуры виртуальной реальности.

Одна сеть поддерживает другую, и наоборот, при этом сети пересекаются друг с другом. Кастельс подчеркивает, что он именует социальную структуру информационного века сетевым обществом потому, что «оно включает в себя все ключевые аспекты социальной организации и социальной практики. Кроме того, в то время как сети – это старая форма организации человеческого опыта, цифровые сетевые технологии, характерные для информационного века, прости мулированы социальными и организационными сетями таким образом, что позволило обеспечить их бесконечное расширение и изменение конфигурации, превосходя традиции сетевых форм организации для управления сложности за определенный размер сети»¹⁵.

В результате этих метаизменений, по мнению ученого, возникает современное сетевое общество информационного типа. В нем логика структур заменяется логикой сетевой структуры информационных потоков, что, по существу, знаменует утверждение принципиально новой социальной структуры: происходит сдвиг от привычных масс-медиа к системе горизонтальных коммуникационных сетей, организованных посредством Интернета и беспроводной коммуникации. А так как эти сети не останавливает граница национального государства, сетевое общество конституировало

себя в качестве глобальной системы. Главная особенность глобальных сетей в том, что они «включают некоторые народы и территории и в тоже время исключают другие». При этом сетевое общество «характеризуется уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла».

Соответственно, возникает принципиально новая экономика - информационный капитализм и «капиталистическая перестройка»¹⁶, итогом которой стала новая технико-экономическая основа жизнедеятельности людей. Ее суть - в реструктуризации капитализма, осуществлявшейся по следующим четырем главным направлениям:

- углублению капиталистической логики стремления к прибыли в отношениях между капиталом и трудом;
- повышению производительности труда и капитала;
- глобализации производства, распределения и рынков с овладением возможностями использования наиболее выгодных условий для получения прибыли повсюду;
- сосредоточению государственной поддержки на повышении конкурентоспособности национальных экономик, часто с ущербом для социальной защиты и общественных интересов. При этом технологическая инновация и организационные изменения, сосредоточенные на гибкости и приспособляемости, были решающими в обеспечении скорости и эффективности реконструкции в социальных сетях.

Далее возникает Интернет культура – принципиально новая культура, основными компонентами которой являются:

- техно-меритокритическая культура ученых, убежденных в том, что человеческий прогресс ассоциируется с развитием науки;
- хакерская культура, представленная экспертами-программистами;
- виртуальная культура, которую образуют самые разные представители он-лайновой коммуникации;
- культура представителей бизнеса, рассматривающих Интернет как привлекательный инвестиционный сектор.

Кастельс особо отмечает, что одной из ключевых черт информационного сетевого общества является специфическая форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. В этом обществе социальные и технологические формы данной социальной организации пронизывают все сферы деятельности, начиная от доминантных (в экономической системе) и кончая объектами и обычаями повседневной жизни. Разумеется, что утверждение информационного сетевого общества идет с временными

разрывами. Ничто не говорит в пользу того, что мы живем в «победившем» сетевом обществе, и уж точно это не относится к жителям развивающихся стран.

Сеть влечет за собой новое понимание пространства, которое изменяет свои качественные параметры. Кастельс пишет об этом так: «... Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его, - пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в распределенном времени, работающих через потоки. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества»¹⁷.

Как видим, пространство потоков отрывает от привычного пространства (географического и социального) тех, кто интегрируется в сеть. Сеть уничтожает привычное нам социальное пространство с конкретными границами, снимает его, переводит фиксированную позицию в эфемерный, быстро меняющийся пучок энергии. Это, прежде всего, сказывается на пространстве, в котором мы живем. Постепенно, по Кастельсу, привычный нам город, как социальная матрица, расположенная в физическом пространстве и структурированная в соответствии с социальной морфологией, превращается в «глобальный город». «Глобальный город - это не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра»¹⁸.

Кастельс сформулировал целостную теорию цивилизационных изменений, которая позволяет оценить фундаментальные последствия воздействия революции в информационных технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности, на современный мир. Вместе с тем ему чужд примитивный технологический детерминизм. Так, он высказывает нетривиальное предположение, что революция в информационной технологии через материальную культуру латентно утверждает освободительный дух. Новые информационные технологии являются не просто инструментом для применения, но также процессами для развития человека, в силу чего в определенной мере исчезает различие между пользователями и создателями.

Ученый убедительно доказывает, что дерегуляция рынка и приватизация не являются развивающими механизмами ни человеческой личности, ни общества в целом, в связи с чем замечает: «Глобальная экономика представляет собой экономику, чьи основные составляющие

имеют институциональную, организационную и технологическую возможности работать в качестве единого элемента в реальном времени или в выбранном отрезке времени или даже в космическом масштабе»¹⁹.

Кастельс убежден, что страны, которые полностью отдались на произвол рыночных механизмов, особенно остро реагируют на изменение финансовых потоков, они уязвимы и с точки зрения технологической зависимости. Вместе с тем, в информационном сетевом обществе создаются условия для возникновения нового соотношения между социальными процессами создания и обработки символов (культура общества) и способностью производить и рас-

пределять товары и услуги (производительные силы). Впервые в истории человеческая мысль прямо является производительной силой, а не просто определенным элементом производственной системы.

Brun O. The Development of the Theory of the Social Network.

Summary: *The author considers what is a modern social network, the the actions of people in a social network. Moreover the author demonstrates which sociological methods were used and now are carried out to study the social networks. In the article the views of A.M. Emerson, J.S. Coleman and Manuel Castells are specifically considered.*

Ключевые слова

социальная сеть, постмодернизм, теория информационного сетевого общества, массовая самокоммуникация, социетальная коммуникация, информационализм, информационный капитализм, информационный город.

Keywords

social network, post-modernism, theory of the informational network society, mass self-communication, societal communication, formationalism, informational capitalism, informational city.

Примечания

1. См.: Emerson, R.M. Power-Dependence Relation. – American Sociological Review, 1962, № 27.
2. См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. — М., СПб.: Питер, 2002. — С. 343.
3. См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории... — С. 344.
4. См.: Coleman, J.S. Foundations of Social Theory. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
5. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. — С. 59.
6. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 265.
7. См.: Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 21, 23.
8. Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // Журнал социологии и социальной антропологии. - № 3, 1999. – С. 63.
9. См.: Giddens, A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity Press, 1990. – P. 150.
10. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. XXVII.
11. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. XXIX.
12. См.: Castells, Manuel. The Information City: Economic Restructuring and Urban Development. - Oxford: Blackwell, 1989.
13. См.: Sassen, S. The Global City. – Princeton: Princeton University Press, 2001.
14. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 1996.
15. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010 p. xviii
16. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P.18
17. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. xxxii
18. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 409-410
19. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 101-102